

Поразмыслив несколько дней, Ван Цзысяо наконец придумал план. Он решил своими руками создать миниатюрный мир размером в квадратный фут и подарить его Мо Синчжи.

Он помнил, как в прошлой жизни Мо Синчжи говорил, что на самом деле очень любит море, любит то чувство, когда его окружает океан, и он может уединиться на несколько дней на необитаемом острове. Конечно, он не был мазохистом, и этот остров обязательно был бы великолепно обустроен: с красивыми домами, яркими цветущими деревьями, белоснежными пляжами и величественным звёздным небом...

Фактически, позже Мо Синчжи действительно создал для себя такой райский уголок.

Когда СМИ раскрыли эту новость, весь мир наконец понял, насколько Мо Синчжи был... богатым.

Сейчас, если бы Ван Цзысяо захотел подарить ему настоящий остров, он бы не смог себе этого позволить, даже продав себя.

Поэтому он решил сделать миниатюрную копию.

Когда у Мо Синчжи ещё не было даже намёка на этот рай, Ван Цзысяо, воспользовавшись преимуществом своего перерождения, заранее воплотил всё, что тот любил больше всего.

По оценке системы-обманки, это было проявлением хитрости:

[Система]: Зная, какая у тебя толстая шкура, я спокоен.

Ван Цзысяо лишь закатил глаза, делая вид, что не слышит болтовни системы.

«Разве это можно назвать наглостью?»

К тому же, чтобы завоевать любовь того, кто тебе дорог, нужно быть наглым! Использовать все возможные средства!

Итак, в течение этих дней, под предлогом «создания финальной песни», Ван Цзысяо каждый день, вернувшись домой, запирался в своей комнате, чтобы вплотную заняться этим подарком на день рождения.

Когда каждый день проходит в напряжённой работе, время в таком сосредоточении летит незаметно.

Наконец, наступил день рождения Мо Синчжи.

С самого утра Ван Цзысяо заметил, что Мо Синчжи что-то хочет сказать, но не решается.

Однако этот проказник делал вид, что ничего не замечает, сохраняя невинный вид, будто не знает, что сегодня что-то особенное.

Даже завтрак был таким же, как всегда.

На съёмочной площадке его игра оставалась на привычном уровне. Даже в разговорах с другими он не проявлял ничего необычного.

Так продолжалось до второй половины дня, и Мо Синчжи уже смирился с тем, что его 18-й день рождения пройдёт без особых событий...

Но тут Ван Цзысяо внезапно подошёл к режиссёру Гэ Хуну и попросил отпустить его пораньше.

Увидев это, Мо Синчжи сразу оживился!

Гэ Хун, не понимая, в чём дело, спросил:

— Почему ты вдруг просишь отпуск? У тебя есть дела?

— Дело в том, что я уже написал нашу финальную песню и собираюсь сейчас найти студию, чтобы записать её, — серьёзно ответил Ван Цзысяо.

Недалеко раздался голос Сяо Май:

— Мо-гэ, ты выглядишь немного уставшим. Ты мало ел за обедом, может, хочешь перекусить? У меня есть печенье, возьми, если хочешь.

Ван Цзысяо внутренне усмехнулся, но сохранил наивный вид, лишь украдкой бросив на Мо Синчжи заботливый взгляд.

Мо Синчжи с улыбкой отказался от предложения Сяо Май. Он думал о том, что вечером, вернувшись домой, он обязательно «разберётся» со своим младшим собратом. Ведь он уже закончил работу над песней, и теперь у него нет важных дел... Некоторые вещи лучше получать самому, это гораздо интереснее...

Гэ Хун, не подозревая о скрытном течении между двумя главными актёрами, обрадовался, услышав, что финальная песня готова:

— Так быстро?! Покажи мне!

Ван Цзысяо передал ему лист бумаги с неразборчивыми записями.

Гэ Хун не очень разбирался в нотах, поэтому сначала просмотрел текст песни. Хотя текст был простым, он показался ему подходящим. Но одного текста было недостаточно, мелодия тоже должна была быть хорошей.

Будучи человеком нетерпеливым, он постановил:

— Не спеши идти в студию, сначала спой её здесь, я послушаю, как она звучит. В арендованной нами вилле есть звукоизолированная комната, она, конечно, не профессиональная, но для пробного прослушивания вполне подойдёт.

Ван Цзысяо не было причин отказываться, и он с готовностью согласился.

Гэ Хун приостановил съёмки и вместе с ними отправился в звукоизолированную комнату на вилле.

В комнате стоял рояль известной марки. Гэ Хун спросил Ван Цзысяо:

— Ты умеешь играть на пианино?

Ван Цзысяо кивнул. Он давно присматривался к этому инструменту и обязательно освоил бы его в совершенстве!

В комнату были допущены только режиссёр Гэ Хун, ассистент редактора, Сяо Цяо, Ван Цзысяо, Мо Синчжи, Да Ми, Сяо Май и продюсер.

Всех остальных попросили удалиться, чтобы избежать утечки информации о финальной песне.

Как только дверь звукоизолированной комнаты закрылась, Ван Цзысяо сел за рояль.

Мо Синчжи стоял слева от него, у окна, сквозь белую занавеску которого проникал мягкий свет послеполуденного солнца, окутывая его профиль нежным сиянием.

Никто не говорил ни слова, в комнате слышалось лишь лёгкое дыхание. Все ждали, когда Ван Цзысяо начнёт петь.

После трёх предыдущих песен, которые произвели сильное впечатление, все с нетерпением ждали его нового произведения.

Однако, поскольку предыдущие песни были в стиле рок, оставался вопрос: сможет ли Ван Цзысяо создать что-то мягкое и нежное?

Звуки рояля всегда несли в себе элегантность и сдержанность.

Пальцы Ван Цзысяо легко заскользили по клавишам.

После небольшого вступления он начал петь слегка гнусавым, ленивым голосом:

*

Как дождь, падающий в моё сердце, то чувство так таинственно.

Я невольно поднимаю голову и смотрю на тебя, а ты не подаёшь виду.

Хотя ты молчишь, тебя невозможно забыть.

Это твой взор, яркий и прекрасный, ах~~ в мире любви, я полон радости.

*

Мелодия песни была спокойной, без резких переходов, текст простым, но почему-то, слушая его пение, казалось, будто слышишь прекрасное любовное стихотворение. Всё тело расслаблялось, и из глубины сердца поднималось чувство радости.

Спев один раз, Ван Цзысяо повторил песню без изменений.

Он не видел никого в комнате, только с улыбкой и любовью в глазах смотрел на Мо Синчжи, время от времени поддразнивая его взглядом.

Мо Синчжи стоял у окна неподвижно, слушая его пение, и весь превратился в тихую воду.

С этой песней все сожаления легко исчезли.

Когда тот, кто тебе дорог, отвечает тебе взаимностью... возможно, это самое прекрасное совпадение в мире.

— Ах~~ в мире любви, я полон радости.

Закончив петь, Ван Цзысяо сыграл на пианино заключительные аккорды.

— Отлично! — первым зааплодировал Гэ Хун. — Он настолько погрузился в атмосферу песни, что даже не заметил, как Ван Цзысяо всё время переглядывался с Мо Синчжи. Теперь он был в восторге и не жалел сил, хлопая в ладоши, которые уже покраснели. — Великолепно! Именно это чувство! Текст хорош, мелодия тоже! И, конечно, Цзысяо исполнил её просто замечательно — кстати, как называется эта песня?

— ...Твой взор.

— Это и будет нашей финальной песней! Я готов поспорить, как только выйдет «Полёт Маньмань», эта песня станет хитом по всей вселенной! — Гэ Хун был так рад, что готов был пуститься в пляс. — Ты же собирался в студию? Иди прямо сейчас! Обязательно запиши лучший вариант!

— Я пойду с ним, — внезапно произнёс Мо Синчжи.

— Ты пойдёшь с ним? — удивился Гэ Хун. — Но ты же не умеешь петь? Эх, а может вам лучше записать дуэт, результат будет лучше. Синчжи, хоть я редко интересуюсь сплетнями, я всё же слышал, что ты — непредсказуемый «король», ха-ха-ха.

Ассистент Сяо Цяо, стоя рядом, лицо подставил ладони: их режиссёр совершенно не понимал ситуацию и смеялся зря.

Мо Синчжи чуть не позеленел от злости.

Если бы не песня Ван Цзысяо, которая глубоко «порадовала» его и улучшила его настроение после целого дня раздражения, он, возможно, сделал бы что-то непредсказуемое!

<http://bllate.org/book/16623/1522144>